

**ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИРОНИИ И САМОИРОНИЯ КАК
ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ МАРКЕР В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ МАЛОЙ ПРОЗЕ:
КИНОЯ, ИСТЕХЗО И САМОИРОНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.А.
ТЭФФИ И С. ВАФО)**

Холбутаева Феруза Бобировна

*Старший преподаватель кафедры узбекской и русской филологии
Андижанского филиала Кокандского университета*

Аннотация: *В тезисах сопоставляются языковые механизмы реализации иронии в русской и узбекской малой прозе на материале произведений Н.А. Тэффи и С. Вафо. Выявлено принципиальное различие между «автономными» механизмами иронии Тэффи (антифразис, алогизм, лексический контраст) и «контекстно-зависимыми» риторическими категориями узбекской традиции – киноя и истехзо, декодирование которых требует знания культурной нормы. Особое внимание уделяется самоиронии как диагностическому маркеру двух традиций: её развитость у Тэффи и практическое отсутствие у нарратора С. Вафо отражают противоположные культурные установки – «солидарность через самонасмешку» vs «сохранение авторитета нарратора» (принцип андиши). Устанавливается связь между тональностью иронии и базовыми экзистенциальными установками двух культур.*

Ключевые слова: *ирония, самоирония, киноя, истехзо, антифразис, алогизм, языковые механизмы иронии, андиша, тональность иронии, трагикомическое, нарратор, С. Вафо, Тэффи, сопоставительная стилистика.*

**LINGUISTIC MECHANISMS OF IRONY AND SELF-IRONY AS A
DIAGNOSTIC MARKER IN RUSSIAN AND UZBEK SHORT PROSE: KINOYA,
ISTEHZO AND SELF-IRONY (BASED ON THE WORKS OF N.A. TEFFI AND S.
VAFO)**

Kholbutaeva Feruza Bobirovna

Senior Lecturer, Department of Uzbek and Russian Philology, Andijan Branch of Kokand University

Abstract: *The paper compares linguistic mechanisms of irony in Russian and Uzbek short prose based on the works of N.A. Teffi and S. Vafo. A fundamental difference is revealed between the «autonomous»*

ironic mechanisms of Teffi (antiphrasis, alogism, lexical contrast) and the «context-dependent» rhetorical categories of the Uzbek tradition – kinoya and istehzo – whose decoding requires knowledge of the cultural norm. Special attention is given to self-irony as a diagnostic marker distinguishing the two traditions: its prominence in Teffi and its practical absence in S. Vafó's narrator reflect opposite cultural orientations – «solidarity through self-mockery» vs «preservation of the narrator's authority» (the andisha principle). The link between the tone of irony and the fundamental existential orientations of both cultures is established.

Keywords: *irony, self-irony, kinoya, istehzo, antiphrasis, alogism, linguistic mechanisms of irony, andisha, tone of irony, tragicomic, narrator, S. Vafó, Teffi, comparative stylistics.*

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о языковых механизмах реализации иронии – о том, какими именно средствами ирония «строится» в тексте, – является одним из ключевых в современной сопоставительной стилистике. В классификации С.И. Походня [1] выделяются ирония-слово, ирония-высказывание и ирония-текст; Д.С. Мюеске [2] разграничивает «стабильную» и «нестабильную» иронию. Оба подхода позволяют операционализировать сопоставительный анализ, устанавливая не только сходства, но и системные расхождения между двумя традициями.

В узбекской риторической традиции термины киноя и истехзо обозначают самостоятельные риторические категории с разработанной таксономией разновидностей, восходящие к классической поэтике Востока [3; 4]. Их принципиальное отличие от механизмов западной (и русской) иронии – принципиальная «контекстная зависимость»: декодирование требует знания культурной нормы, нарушение которой они фиксируют. Именно поэтому узбекская ирония высоко прозрачна внутри культуры-носителя, но герметична для внешнего читателя.

Отдельную аналитическую ценность представляет самоирония: её наличие или отсутствие в нарративной стратегии автора является диагностическим маркером, разграничивающим русскую и узбекскую традиции на глубинном культурном уровне.

Киноя и истехзо: контекстно-зависимые механизмы

Киноя (*kinoya*) в узбекской риторике – завуалированная критика через иносказание, имеющая разработанную внутреннюю классификацию. Истехзо (*istehzo*) – более открытая насмешка, ближе к западному понятию «сарказм», однако в узбекской традиции не несущая экзистенциального измерения, характерного для русской горькой иронии [3].

Ключевой признак обеих категорий – их «контекстная зависимость». Киноя не может быть декодирована без знания нормы (нравственной, социальной, этикетной), нарушение которой она фиксирует. Это означает, что узбекская ирония систематически предполагает общий культурный фрейм, разделяемый автором и читателем [5].

В механизме G. Fauconnier и M. Turner [6] иронический смысл возникает в «смешанном пространстве», образованном столкновением буквального и имплицитного фреймов. Применительно к киноя – без активации нужного «input space» (культурной нормы) иронический смысл остаётся недоступным. Это объясняет, почему киноя функционирует иначе, чем «автономные» механизмы Тэффи.

Механизмы Тэффи: автономная ирония

В текстах Тэффи иронический эффект достигается прежде всего через антифразис (буквальное высказывание с обратным смыслом), алогизм (нарушение логической нормы внутри одного предложения) и лексический контраст (соединение несовместимых стилистических регистров). Характеристика этих механизмов – их «автономность»: они создают иронический эффект без необходимости активации специального культурного кода.

Алогизм у Тэффи нередко реализуется через «обрушение» ожидаемого финала высказывания: «Он был добродетелен, как все люди, лишённые воображения». Ирония заключена в самой синтаксической структуре и декодируема без знания специфического культурного контекста. Лексический контраст – соединение высокого и низкого, официального и просторечного – создаёт иронический эффект на уровне слова, не требуя дополнительных культурных фреймов [7].

В этом принципиальное отличие от киноя: тогда как киноя – «герметичный» механизм, требующий посвящённости в культурную норму, механизмы Тэффи потенциально «открыты» для читателя любой культурной принадлежности, готового воспринять логическое несоответствие.

Самоирония как диагностический маркер

Наиболее показательным диагностическим маркером, разграничивающим две традиции, является статус самоиронии. В прозе Тэффи самоирония – системная стратегия: рассказчик включает самого себя и «нас всех» в поле насмешки, создавая эффект горькой солидарности. Этот принцип, восходящий к

традиции русской смеховой культуры и чеховской «самоуничижительной» иронии, позволяет Тэффи избежать морализаторства: её ирония не осуждает, а констатирует [8].

У нарратора С. Вафо самоирония практически отсутствует. Субъект и объект иронии не совпадают: нарратор-наставник смотрит на нарушителя нормы извне, со спокойным осуждением, не вовлекаясь в самокритику. Это соответствует культурному принципу андиши: сохранять достоинство в акте оценки. Авторская дистанция от нормы невозможна, когда сам автор является хранителем этой нормы [9].

Данное расхождение имеет прямые следствия для теории перевода. Самоирония Тэффи при переводе на узбекский язык требует не технического перевода, а концептуальной адаптации: установка «солидарности через самонасмешку» должна быть переосмыслена, поскольку отсутствует соответствующий культурный фрейм [10].

Тональность иронии: трагикомическое vs поучительно-нейтральное

Системный характер носит и расхождение в тональности. Ирония Тэффи последовательно балансирует на грани трагического: смех – «смех сквозь слёзы», горькое признание несовершенства мира. Эта черта восходит к традиции Гоголя – Чехова и составляет узнаваемую черту русского иронического письма: комическое и трагическое «сплавлены» в единое трагикомическое мироощущение [8].

Ирония С. Вафо, напротив, мягко-поучительна и философски-спокойна: она не ставит под сомнение устройство мира, а апеллирует к отступлению конкретного человека от принятой нормы. Тональность определяется концептом тақдира: мир устроен правильно, нарушителем является человек, а не судьба. Трагическое и комическое не сплавлены, а чётко разграничены.

Это системное расхождение требует учёта при переводе: передача «трагикомической тональности» Тэффи посредством нейтрально-поучительных категорий узбекского читательского горизонта ведёт к утрате ключевого семантического слоя. Равно и наоборот: киноя, перенесённая в русский текст как «горькая ирония», приобретает экзистенциальное измерение, которого в оригинале нет.

Выводы

1. Языковые механизмы иронии культурно специфичны. Тэффи опирается на антифразис, алогизм и лексический контраст – «автономные» механизмы, не

требующие специального культурного кода. С. Вафо использует киноя и истехзо – «контекстно-зависимые» категории, декодирование которых предполагает знание культурной нормы.

2. Самоирония является диагностическим маркером двух традиций: её развитость у Тэффи отражает установку «солидарности через самонасмешку», её отсутствие у нарратора С. Вафо соответствует принципу андиши – сохранению авторитета и дистанции в акте оценки.

3. Тональность иронии системно различается: скептически-трагикомическая у Тэффи (комическое и трагическое «сплавлены») и мягко-поучительная у С. Вафо (трагическое и комическое чётко разграничены). Это различие детерминировано базовыми экзистенциальными установками двух культур.

4. Принципиальная асимметрия в статусе концепта «честь / ор-намус» подтверждается на уровне языковых механизмов: у Вафо иронические механизмы защищают ор-намус от нарушителей; у Тэффи сама «честь» как ложная претензия разоблачается теми же механизмами.

5. Полученные результаты имеют прямые приложения в переводческой практике: перевод самоиронии и трагикомической тональности требует концептуальной адаптации, а не технического калькирования механизмов иронии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии. – Киев: Наукова думка, 1989. – 128 с.
2. Muecke D.C. The Compass of Irony. – London: Methuen, 1969. – 276 p.
3. Sarimsoqov B. O'zbek badiiy adabiyotida kinoya. – Toshkent: Fan, 1981. – 88 b.
4. Safarov Sh. Kognitiv tilshunoslik. – Jizzax: Singari, 2006. – 92 b.
5. Sperber D., Wilson D. Irony and the Use-Mention Distinction // Radical Pragmatics / ed. P. Cole. – New York: Academic Press, 1981. – P. 295–318.
6. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. – New York: Basic Books, 2002. – 440 p.
7. Шмелёва Е.Я., Шмелёв А.Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. – М.: Языки русской культуры, 2002. – 144 с.
8. Тэффи Н.А. Юмористические рассказы; Дым без огня. – М.: Художественная литература, 1990. – 480 с.

9. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

10. Littlemore J., Low G. Figurative Thinking and Foreign Language Learning. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006. – 248 p.

